

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Один за всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635555

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

В предлагаемой повести жизнь Сергия Радонежского рассказана на основании летописей и сказаний, которые в течении столетий переходили из поколения в поколение и удостоверены историею. Стараясь сохранить в самом рассказе колорит эпохи и имея в виду юных читателей и читательниц, автор стремился в то же время с внешней стороны дать своему произведению такую форму, которая могла бы не только в достаточной мере заинтересовать их, но и ввести в тот особый мир, где протекала вся подвижническая жизнь и деятельность этого поистине народного героя труда и веры.

Содержание

I	4
II	10
III	20
IV	28
V	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лидия Алексеевна Чарская

Один за всех

I

ГОЛУБОЙ радостный и светлый день. Прозрачно-синей глубиной моря кажется небо или лазоревым заповедным озером, там высоко, вдали. А земные хрустальные озера и реки отражают небеса. И мнится: два неба, два озера, два моря – внизу и вверх. Ласково-нежный, как сладкий бальзам душист воздух. В нем летнее дыхание диких левкоев, розовой кашки, гвоздик полевых. Наверху, над заоблачными сказочными озерами неба – золотое светило: солнце, улыбка Бога и радость земли. Оно не горячий, дышащий зноем пламень сегодня, – оно ясное, нежное и спокойное. Начало лета и прощанье весны.

День красивый, как сказка. Радостный день, теплый, ласковый, нежащий, посланный небом для утех земли.

В четырех верстах от Ростова, славного города Ростова, отражавшего так отчаянно храбро набеги диких кочевников-татар и павшего под их бешеным натиском, небольшая усадьба, вся обласканная, вся согретая и принаряженная майским полднем. На высоком тыне играют солнечные блики, на белых крепко выложенных тесовых стенах хором,

гридниц и пристроек мелькают световые пятна. Словно белоликие феи, бегают взапуски, прыгают и резвятся солнечные улыбки.

Там, за сараями, тенистей и будто сумрачней. Длинные тени ложатся от высоких дубов с мохнатыми шапками из свежей листвы на гордых головах-вершинах и от гибких, как прутики, юных тополей, похожих на юношей с зелеными глазами. Там, в тени, под тыном – лужайка. На лужайке толпа мальчиков-невеличков, от пяти до десяти лет. Играют во что-то странное, непонятное по первому взгляду. Что за игра?

Один сидит под дубом. Этот старше всех; по виду ему лет двенадцать. Он высокий, тоненький, как былинка, черноглазый, а лицо суровое, брови, будто кисточкой проведенный, сжались над тонким прямым носом. Брови хмуры, а пухлые детские губки, точно спелые алые вишни, кривятся в усмешку. В руках лист огромного лопуха, сорванного тут же под тыном, и указка в виде ивовой лозы, гибкого прутика, наполовину очищенного от кожицы.

Мальчик одет чисто и опрятно; не роскошно, нет, хотя он и боярский сын, дитя всем известного боярина Кирилла Ивановича Иванчина, приспешника и советчика первого при дворе князя Константина Борисовича, удельного владельца Ростовской земли.

И усадьба эта за зеленым тыном принадлежит боярину Кириллу, и высокий, стройненький с нахмуренным лицом

черноглазый отрок его старший сын – Степан. Тут же в толпе детей и младший сын – Петруша, голубоглазенький, белокуренький с детским невинным личиком шестилетний шалунок. Всех детей человек десять. Все стоят на вытяжку, глаза вперили в черненького Степу, что сидит на срубленном стволе под дубом с нахмуренным лицом, с сумрачными очами.

– А ну-ка, подходи, – кричит Степа, и черные глазенки его поблескивают, как угольки, – ты, Кирюшка Безруков!

Из толпы выделился мальчуган, бутуз лет семи-восьми, рыхлый, белотелый, вскормленный на мамушкиных подовых пирогах, на имбирных хлебцах, да на всякой сытной живности. Чистый кубарь, а не мальчик. Отделился от толпы, приблизился к дубу, поклонился в пояс Степе.

– Здрав будь, господин учитель!

– Здорово, паренек! Покажи свое уменье. Больно знатно ты псалтирь читаешь, наслышан я, так удружи, любезненький, а мы послушаем.

И с важностью заправского учителя степенно протянул Степа Кирюше лист лопуха.

Лист лопуха – псалтирь. Лист лопуха – Четыи Минеи. Он же и – Житие Святых, и все, по желанию. Что подскажет детская фантазия, то и представит из себя лист лопуха.

Этот Степа – учитель сейчас, мальчики – ученики, полянка под тыном – школа. В школу и в учителя играют мальчики, дети разных служивых городских людей, пришедшие сюда в боярскую усадьбу из города и из соседних ближних

вотчин поиграть перед тем, как отправиться в настоящую заправскую школу.

Кирюша-бутуз берет лопух и читает певуче:

– Аз, Рцы, Хер, Аз... Архангел... – с трудом, обливаясь потом, произносит он, как бы читая на воображаемой странице книги воображаемое слово.

– Ладно, умник, пряник за мной... Подходи ты, Петруша, – одоблив кивком головы товарища, говорит Степа.

Выбегает к дубу другой мальчик. Этот совсем крошка, голубоглазый, маленький, похожий на херувимчика, только вот загорелый – в этом с херувимом и разница вся.

Это братец Степана – Петруша... Бойкий, веселый, глазки что звездочки горят.

– Давайка-сь, господин учитель, я тебя потушу! – сам хватая лопух и бойко читает наизусть псалом Давидов:

– Се удаляхся бегая и водворихся в пустыне, чаях Бога, спасающего меня (псал. 54, 8, 9).

Странно звучат строгие, суровые слова царя-пророка в устах ребенка. Память у Петруши на диво.

– Молодец, – хвалит старший брат, – где слышал такое?

– Брат Варфушка давеча молился, я и упомянул.

– Варфушка? Ишь, ты... Да где же он?

Степино суровое лицо разглаживается в минутку. Бровки, как стрелки, от переносицы разбегаются прочь.

– Где Варфушка, да... чего не играет с нами? Куда схоронился? – с любопытством спрашивает Степан. А сам уже

вскочил со своего пня-обрубка, глядит поверх голов товарищей-мальчиков. Ищет взглядом того, кого хочет видеть сейчас.

– Варфушка! Варфушка! Варфоломей! – кричит Степа, прикладывая руки ко рту, – к нам ступай, сюда, Варфушка! Ско-ре-и-ча!

Крикнул и слушает, не откликнется ли тот, не поблизости ли он ненароком.

Кирюшка Безруков смеется:

– Ай, Степа, Степа, нешто не знаешь, что не любит играть да баловаться с нами Варфоломей...

И другой – Вася, Парфилия-дьяка сын, вторит детским басом:

– Штой-то важен больно Варфушка, ребят гнушается.

И третий – Ванюша, стремянного князя Константина Борисовича сын, шумит:

– Боярством своим, знать, кичится. Видно не то, что братья его, Степа да Петя: те с нами, как ровни...

– Ладно! Не покичится у меня! Я ему старший брат, у меня коротка расправа. Слышите? Сыскать мне сейчас Варфоломея, да привести сюда! Силком его с нами играть приневолю, коли не хочет по своей охоте. Ну, вы, живым духом, ребята!

И властно взмахнул загорелой ручонкой Степан. Брови опять сомкнулись у переносицы. Лицо приняло строгое, суровое выражение. Ну, вот-вот – и впрямь учитель.

Веселой стаей шарахнулись ребятишки в поисках за Варфоломеем. Слова Степы – тот же приказ. Сильный этот Степа, большой, старше их всех. Его ли не слушать. Ишь, суровый! Того и гляди лозой угостит. Все ребятки его слушать, как овцы пастуха своего, готовы. Вот и сейчас: едва сказал, а они уж пятками засверкали, метнувшись на поиски за младшим братом Степана – Варфушкой.

II

СОЛНЦЕ выше поднялось. Купается в голубом хрустале заоблачных озер. Ладьи белые, дымчатые плывут по этому озеру – облака. Прихотливой формы они: не то лебедь, не то корабль, не то белоснежный дракон сражается с неведомым воителем. Ах, красиво! Будто не въявь, а во сне все это. А внизу море зелени. Травы-купавы, зеленые былинки, миловидные, гибкие, нежные, хрупкие. А цветики душистые, полевые цветики – Божьи подарки матушке-земле, алые радостные, голубые сладко-грустные, желтоватые, белые – невинная, чистая красота.

С зеленой травой сплетаются, как братья с сестрами любимыми целуются, и колышутся, и свиваются в чуть приметном для глаз танце.

Мальчик Варфоломей смотрит на едва зримый танец былинки и пестрых цветов от ласки ветерка, от зыби. Мальчик он странный какой-то и совсем особенный. Лежит на земле, глаза широко раскрыты. Синие волны переливаются в этих глазах. Золотая небесная звезда загорается в них. Загорается и вдруг то меркнет, то снова сияет. Целый мир в этом взоре, мир детский. В нем и ясная, задумчивая, красивая печаль, и тихий грустный восторг и что-то строгое, чудесное и тоскующее. Губы тонкие, не ребячливо строгие, сомкнуты без улыбки. Нос тоже тонкий и пряменький. Несмотря на

юность, определившееся уже личико. Кудри шапкой золотистой выются над высоким загорелым лбом, нужные, как лен, шелковистые. Ему семь лет, но по виду больше. Стройный он весь, сильный, хоть и худощавый. Знойный загар позолотил грудь, лицо, тонкие кисти маленьких рученок.

Вблизи, где зеленое море трав пресеклось немного, образуя крохотную лужайку, высится муравьиная куча. Целый дворец хитросплетений маленьких тружеников-муравьев. Варфушка смотрит на дворец. Глаза разгораются ярче. Это уже не синие звезды в золотом ореоле сияния. Это два солнца тропических, два метеора под темными извилинами длинных ресниц.

Варфушка смотрит и думает.

– Муравьи-труженики, Божьи работнички, выстроили сами себе палаты, хоромы с гридницами и переходами, опочиваленки, боковуши и житницы. Все сами носили по прутику, клали травку к травушке, былинку к былиночке. Вырастали хоромы. Еще клали, сплетали, – еще вырастали. Во славу Божию работали работнички махонькие. Господь труды любит. Выстроили палаты для детушек своих, для всего муравьиного народа насекомого. Ах, хорошо! Хорошо так трудиться! Для других, для своих, для чужих, для всех. Хочу быть муравьем-работничком, хочу трудом своим радовать родимых и себя, хочу...

– Варфушка! – в тот же миг пролетело над белокурой головкой и эхом повторилось за полем в лесу.

– Варфушка! Подь сюда, Степа зовет!

– Эх, горе! Нашли меня ребятки, – вихрем проносится новая мысль в голове Варфушки; – эх, горе, придут, увидят, за собой потащут, заставят бегать, играть, баловаться... Не могу я. Не хочу. Не умею. Схорониться разве? Прилечь к траушке, прижаться к зеленой, авось не разыщут, не найдут.

– Варфушка!

Молчит. Молчит синеокий мальчик. Личико напряженное. В глубоком взоре сверкает мысль.

– Схоронюсь!

Бросился в траву ничком. Едва дышит.

Минутки ползут за минутками. Муравьи скорее двигаются под тяжелыми ношами, таская прутики и соломинки в земляной свой дворец.

– Ах!

– Ишь, он где схоронился!

– Ин, притих даже!

– Ах, ты, баловень!

– Врешь, не обманешь...

– Тащи его к Степе, ребята!

– Пущай его с нами играется...

– Гордец какой!

Толпа ребят окружает Варфушку. Поднимают с земли, ставят на ноги, тормошат.

– Пойдем-ка-сь к Степе на расправу! В школу играем. Тебя не хватало. Ступай псалтирь читать, ты ведь читальщик

знатный, – смеется пухлый Кирюша.

– Ха, ха, ха, – вторят ему другие, – и впрямь мастер Варфушка. Небось, рцы от глагола отличить не сможешь.

И опять хохочут. Знает Варфоломей, смеются над ним. Над его бессилием понять трудную грамоту смеются. Ах, беда, беда ему, Варфушке. Сколько ни бьется с ним учитель – не одолеть ему грамоты. Век не одолеть. Не дается ему книжная премудрость. Все он умеет: и избу из дощечек сколотить, и насад¹ устроить, и деревца из щепочек выстругать, а грамота для него – темна, как ночь. Горе, да и только. И знают это его горе ребята и смеются над ним.

Притащили насильно на поляну, к дубу, под которым сидит, приняв свой строгий вид, Степан, толкают к нему Варфушку, хохочут, шумят. Степа не шумит, не смеется. Принял снова важный учительский вид.

– А, ну-ка, отрок Варфоломей, скажи, што ежели рцы да аз сложить, што выйдет?

– Рцы да аз... рцы да аз... – лепечет Варфушка и весь вспыхивает заревом, точно перед ним не брат сидит, а заправский наставник.

И затихает. Не знает, не умеет сложить двух букв. Тяжко ему это. Не по силам.

Степа хмурится. Поднимает лозу-указку и легонько взмахивает ею над спиной брата. Ударит сейчас Варфушку гибкая, хлесткая ивовая лоза. Вдруг скрещиваются глаза бра-

¹ Лодка.

тьев. Черные Степины и синие, как глубь озера, Варфоломея.

– Не тронь, не тронь! – без слов шепчут синие черным, – нешто я повинен?

И опускается, как плеть, смуглая от загара рука Степана. Варфушка стоит, поникший, грустный.

– Рцы да аз... рцы да аз... – лепечет он в смятении.

Вдруг суета около. Легкий крик испуга.

– Идет! Сюда идет, учитель-дьяк сюда сейчас пожелует! – срывается с детских губок, и вся толпа ребятишек устремляется навстречу быстро шагающему по поляне человеку, не то монаху, не то дьячку в темном подряснике с крохотной косицей жидких волос, с хлестким прутом в руке.

– Ин, они где, чадушки нерадивые; ин, они заместо книжного мудрствования действиями какими забавляются, – певуче, вкрадчивым голосом, но с сердитым мельканием гневных огоньков в глазах, затянул человек в подряснике. Это учитель-дьячок одной из подгородних сельских церквей, расположенных близ Ростова, в полуверсте от усадьбы боярина Кирилла.

– Нешто для баловства, для утехи врага рода человеческого настало для вас Божие утро? – уже совсем гневно крикнул он и, как стадо быстрых барашков, погнал детей к небольшой, белевшейся близ сельской церковки, избе, где он учительствовал, преподавая детям грамоту.

В то время, в XIII веке, мало было школ на Руси. За-

ведовало обучением грамотности духовенство. Епископом Ростовским был тогда Прохор «благочестивый», «учительный», как о нем говорит история; под его руководством шло дело обучения грамотности и назначение руководителей – учителей в Ростовской земле. Дьячок Назарий из соседнего сельца близ усадьбы Иванчиных учит ребят-подростков из ближних усадеб и сел, что расположены подальше от города.

Дьячок Назарий вошел в избу. Вошли за ним и мальчики. Робко, стараясь не стучать, расселись, кто на скамье, кто на сидельце, крытом скромным половошником, кто прямо на полу, поджав ноги. У всех серьезные, чуть испуганные лица. Один Степа спокоен. Он – грамотей, гордость школы и учителя. Как свои десять пальцев на руках, знает он грамоту. И псалтирь, и Четыи Минеи, и житие кого хошь из святых прочтет. Учитель им за это не налюбуется, родителям хвалит, батюшке-священнику, всем кто ни зайдет.

– Степан, сын Ростовского боярина, куды на грамоту дуж!

Горд похвалами его строгий, смуглый, красивый Степа.

И Петруша маленький не очень отстаёт от брата. Шесть лет мальчику, а читает бойко. Голосок, как колокольчик, звенит, звенит...

– Аз, буки, веде, глаголь, добро...

– Ладно, паренек, добро...

Гладит морщинистая рука Назария белокурую головку.

– Ладно, желанненький... Так. Так.

– Ты, Варфоломей. Зачинай, отрок; твой черед!

Поднялся Варфушка со скамьи. Побледнела золотистая от загара, нежная кожа на лице. Синие, как глубина озер, глаза вскинулись на раскрытую страницу книги.

О, какая тяжелая, толстая книга! Это псалтирь... Какие пестрые, непонятные строки, хитросплетенные строки с дивно неведомыми буквами... Кто поможет ему, Варфушке, разобраться в них? Господь Всесильный, сколько их здесь поналеплено! Аз, буки, земля, веде, рцы, глаголь, червь, — все слилось, все смешалось. Вовек не разобрать ему, Варфушке, хитросплетенных строк.

Лицо ребенка еще белеет. Остаток румянца сбегает со щек. Последнее розовое пятнышко исчезло.

— Господи, Господи!

Темнеют испуганно синие очи...

— Господи, срам-то какой!

Тихо посмеиваются в избе мальчишки, хихикают, шепчутся.

— Блажной этот Варфушка, прости Господи! Ровно дубиной ему память отшибло. Намедни еще учил, а нынче ни в зуб толкнуть...

И жжет сильнее от этого шепота и без того жгучий стыд Варфоломея. Стыд до боли, до головокружения. Вот, даже в глазах зарябило от напряженного желания понять буквы, но все напрасно.

В голове пусто сейчас. Ни памяти, ни образов того, что учил накануне.

Ах, горе, горе!..

Напрягает все умственные силенки ребенок. Хватается, как утопающий за соломинку, за первую букву.

– Глаголь! – срывается тихо, как стон, с побледневших губок.

– Врешь! Рцы это! Несмысленыш этакий! Доколе тебе твердить? – гневно кричит, потерявший всякое терпение с ним, учитель. – Становись на колени, протяни руку.

Покорно опускается на колени маленькая фигурка, протягивается розовой ладонью кверху загорелая рука.

– Раз!

Хлесткий удар плетки падает на розовую ладонь. Боль мгновенная, но острая, как обжог горячим.

– Два...

Новый удар.

– Три!

Еще... и еще!

Назарий всегда так наказывает нерадивых. Всех без исключения. Так уж заведено издавна. «Лоза не причинит вреда, а прибавит радения», – так твердили на Руси в старину, и учителя без «лозы» учить не умели и недоумевали, как без нее обойтись в ученье.

– Ступай! Ужо завтра читать мне все без запинки, – говорит строго дьячок, а глаза бегают, помимо воли, печальные синие Варфушкины глазенки. Жаль старому дьяку Варфушки. Чем он виноват, мальчик, что такой беспонятный?

А синие глаза мальчика полны слез. Точно росинки, алмазы яркие в них загораются и крупными градинами сыплются по щекам.

– «Срам-то какой! Опять, опять наказан!» – вихрем бьется в мозгу горячая и больная обидою мысль.

Не помнит, как кончен урок, Варфушка, как распустил по домам всех учитель.

Идут трое в отцовскую усадьбу: Степа, Петруша и бледный, заплаканный Варфоломей.

Над ними веселое солнце. Синяя гладь далеких стремнин. Кругом зелень и ласковое веяние мая.

Степан шагает быстро, как взрослый, хотя ему только двенадцать лет. Идет, хмурится и говорит:

– Опять осрамил нас с братом! Отцу скажу. Пущай тебя накажет. Мало досталось. Ленивый ты!

Петруша шепчет с другой стороны:

– Варфушка, не слушай его... Он шутит... Мы с тобой, Варфушка, вдвоем уже псалтирь почитаем, у тяти возьмем. Право, милый... родненький, не плачь... Одолеешь... Ужо похвалит учитель, сам увидишь, ужо...

Милое, добренькое Петрушино личико, в белокуренькой рамке кудрей, жметя к плечу Варфушки. Младенческая ручонка закидывается на плечо брата.

– Не плачь, Варфуша, не плачь! – повторяет он и целует брата в щеку, поднявшись на цыпочки.

Быстро высыхают слезы Варфоломея от этой детской лас-

ки. Весна воцаряется в сердце, проясняется взор, глубокий, как озеро, и, как оно, синий, синий...

Степан сердито пожимает плечами, отворачивает строгое смуглое лицо и еще быстрее направляется к дому.

III

– МАТУШКА, родименькая, любимая! Што ж это такое? Голубушка моя, матушка!

Полны отчаяния синие глаза Варфуши. Дрожит, ломается и гнется звонкий голосок. Слезы – крупные алмазные горошины – застыли в печальном сиянии зора.

Маленькие загорелые руки обвивают шею женщины. Тонкое, стройное, загаром опаленное тельце жметя к груди родимой.

– Матушка! Матушка!

– Что, желанненький, что, Господень любимчик? Что, Варфушка, душенька ангельская?

Тревожно лицо боярыни Марии, молодое светлое, пригожее лицо.

Глаза – та же небесная синь, что и у сына. Кротость, мягкость, чистота сердечная сплели в них венок.

Одета боярыня очень скромно. Летник из простой камки, будто и не боярский, кика, чуть тронута мелким жемчугом по вишневому шелку. Ни запястий, ни запон дорогих. Подвески в ушах простенькие – бедная мешчанка, либо крестьянка не позарится на них. Зато душа боярыни Марии – целый ларь драгоценностей: в нем схоронены жажда дать счастье и любовь ближним, огонь чарующего света, изливающего окрест ласку и добро, надежда на грядущее блаженство

людей, ликующая радость, благодарение Создателю за все существующее. Красота души боярыни отражается во всех чертах ее: свет внутренний сияет из глаз, из кроткой улыбки, со всего лица.

Вышла на крыльцо встретить мальчиков. Все трое пришли вместе.

Впереди смуглый, красивый, стройный, уверенный в себе Степан; за ним – малыш-шалунок голубоглазый, дитяtko веселое, жизнерадостное, Петруша, а позади них – он, любименький, дорогой-дорогой, всегда тихий, как глубокие воды озера, задумчивый, как будто печальный, Варфушка.

Братья веселы, спокойны. Он – нет.

– Матушка, матушка! – произносит Варфуша сдавленным голосом.

Дрожит как былинка, и бледен, как зимний снег.

– Варфушка, мой Варфушка, что с тобою?

Приняла боярыня сына в объятия, прижала к себе. Весь трепещет... Вербочка молодая весенняя так бьется под вихрем полевым.

– Скажи, деточка, скажи, что с тобою? – испуганно спрашивает боярыня.

Рассказывает Степа.

– Осрамился наш Варфушка! Дьяк Назарий велел псалтирь читать, – ни слова не вымолвил. Рцы за глаголь принял. Дьяк лозой наказывал. Срамота. Все ребятки смеялись. Плакал Варфушка. Больно было, – да и срамота. Петруша вон

молодешенек, а куда на псалтирь горазд, боек разбирать. Не угнаться за ним Варфушке. Не угнаться. Срамота!

Кончил Степа. Черные угольки-глаза разгорелись. Гневно юное личико. Злость берет на брата. Будто он и впрямь блажной какой, в толк грамоту взять не может. Перед школой и дьяком – чистый срам.

Петрушины живые глазки опустились. Жаль ему брата. Ах, жаль!

Мать молчит. Губы молчат, сжаты, но сердце говорит, сердце кричит:

– «Бедный мой Варфушка, жалостный мой!» – и увела мальчика в задний покойчик, примыкающий к стольной гриднице, увела, обняла, обвила трепещущими руками. Целует, лелеет, ласкает.

– Успокойся, сыночек, радость моя Богоданная, желаненький мой.

Ни слова обиды, ни упрека. Сердце матери – вещун. Знает, понимает детскую скорбь. Бедный Варфушка, не легко ему, милому!

Заглянула боярыня в глаза сыну.

Глубокая тоска в померкшем сиянии. Скорбно трепещут ресницы. Темная-темная мысль под стрельчатым их навесом. И вдруг хлынули слезы. Упал на колени Варфушка, обвил ноги матери, прижался горячим личиком к прохладному позументу летника, шепчет дробно, скоро, скоро:

– Матушка, родимая, тяжко мне... век не выучусь уму-

разуму, матушка; век не одолею грамоты... Господи, Господи, помилуй меня!.. Матушка, вели с холопами день с зари до зари трудиться... Вели сено, хлебушко убирать, вели тын чинить, ворота новые ставить, топливо из леса таскать... Что хошь, сработаю, а грамоту – не могу, не могу, матушка!..

Говорит, лепечет, а слезы так и рвутся ручьями из скорбных очей.

Плачет Варфушка, плачет боярыня Мария. Мать и сын сплелись в тесном объятии. Сердца бьются, как одно, мысли мчатся, как одна, два порыва отчаяния в один слились...

Нечем матери утешить сына. Есть одна радость у нее, одна тайна светлая, которая дает ей надежду на счастье ее ребенка, но рано еще, рано сказать ее мальчику. Молод он еще, этот отрок синеглазый, не поймет. А тайна эта вот уже семь лет, как согревающий душу пламень, как сокровище, как клад, носит в сердце боярыня. Прекрасна эта тайна. И немногие люди носят такую в душе.

Вспомнила о ней теперь, прижала снова к груди ребенка, гладит рукою лен золотистых кудрей, а сердце такое большое, такое горячее, так и рвется к нему, полное любви.

Почти что успокоился Варфоломей под обаянием материнской ласки.

– Не сердчай, любимая, – шепчет чуть слышно.

– Я... не сердчать?.. – Да што ты, окстись, детушко, да я... Не пришлось закончить слова боярыне Марии.

Широко распахнулись двери покойчика, куда она скры-

лась с сыном. Вошел кто-то, стал на пороге.

Подняли глаза в раз мать и сын.

– Батюшка!

Боярин Кирилл стоял на пороге.

Еще молод, а уже легкая седина пробивается в темных волосах и кудрявой бородке. Не мудрено. Ближний ведь он боярин князя Ростовского. А Ростов – со дня татарского нашествия десяток десятков лет – многострадальный город. Всею тяжестью обрушилось на него иго татарское. Сколько крови христианской было пролито в нем. Теперь данью обложен. Хозяинчают ханские баскаки. Легко ли видеть, как сборщики дани истязают народ. Звери они, звери лютые. Когда бы мог только боярин, когда бы мог пособить своему князю. Но ничему нельзя пособить, ничего не поделать – Русь слаба. Удельные князья ослабли, распря идет между ними. Не одолеть хана, не сплотясь дружно всем вместе. Вот почему печально лицо боярина Кирилла, благородное, умное, доброе лицо с мягким взором черных очей, смелых и грустных в одно время.

Сейчас оно беспокойно, это смугловатое лицо. Из-под окола шапки смотрят тревожно хмурые, словно подернутые тучами темного неба глаза. Загорелая рабочая в мозолях рука (боярин Кирилл, не глядя на свое высокое положение, усердно разделяет труды в поле и дома со своей челядью), беспокойно перебирает край кафтана.

– Что случилось, Маша?.. Варфушка! О чем плачете?

Голос у боярина мягкий, певучий, бархатный.

Рассказывает Мария о бессилии Варфушки одолеть грамоту, о горе ребенка.

Печальнее делается лицо отца.

– Эх, Варфоломей, Варфоломей! – с укором роняет боярин, – не на радость нам это, сынушка! Не тешишь ты нашего сердца... не усердствуешь.

Махнул рукой и потупился скорбно.

Молчание.

Вдруг вздрогнул надломленный голосок.

– Усердствую, батюшка, да Господь, видно, отвернулся от меня. Ничего не выходит...

Переглянулись муж и жена.

Господь отвернулся! От него-то, от маленького, от кроткого и ясного, как незабудка в лесу. А что же «тайна»? Тайна показывает, что Варфушка любимый Богом, что Варфушка особенное дитя, отмеченное судьбой... Ах, скорее бы, скорее бы подрос он, скорее бы поведать ему тайну, милому отроку, незабудке лесной.

Жалость к сыну прокралась в сердце боярина Кирилла... Взглянул и добро улыбнулся мальчику.

– Полно горевать, малыш! Одолеешь, Господь даст, складь, а дале и не надо. Бог с тобою. Не в дядьки приказные ладим тебя отдать. Есть живность у нас, есть вотчинка! Проживешь, волей Божией, безбедно. А я не о том грущу. Поруха у нас, – кони пропали.

– Кони!

Испуг выразился в лице Марии. Передался и мальчику.

– Какие кони?

– Жеребята! Не доглядел, видно, челядинец! Со двора ушли. В поле рыщут, либо в лесу. Холопы все на работе. Некого послать. Степу ладил, да он тоже на работу с челядью отпросился. А жеребята уйдут. Жалко! Не дай Господь попадут татарам здешним Ростовским, сейчас прирежут – любят конину пуще всего басурманы. Жалко коньков. Славные жеребчики.

– И то жалко, – вздохнула Мария.

– Тятя, а, тятя! Отпусти меня в поле... Поищу жеребят.

Голос Варфоломея снова чист и звонок, как хрустальный ручей в лесу. Недавнего горя будто и не бывало. Глаза блестят. Снова золотое в них сияние дальней звезды. Весь загорался мальчик. Дышит слышно, возбужденно.

– В поле! Один! Наедине с цветиками, с былинками, с птицами пернатыми буду, под голубым шатром безоблачного неба, – неслышно, беззвучно кричит, ликует маленькое сердце ребенка.

Отец улыбается. Мать тоже.

– Скажи, Варфушка, нешто сладко быть одному?

– Сладко, батя... сладко, мама родимая!

– Ступай со Христом, желанненький... Господь даст, приведишь коней.

– Приведу!

Весь вспыхнул от счастья мальчик. Весь пылает. Очи пылают, щеки, прекрасное, милое лицо. Радость какая! Один опять!.. Можно думать, мечтать!..

Выбежал спешно. Торопится, как на праздник. Улыбаются синие глаза. Сыплют искры. Уста только сомкнуты и не знают улыбки.

– Иду! Иду!

Подпоясался. Одернул рубашонку. Шапки не взял – не надо. Кафтан – не надо. В поле, в поле, в милое, зеленое, к опушке лесной!.. Скорее, скорее!..

IV

ПОЛЕ. Зеленое море с серебристою зыбью. Вдали, как островок, рощица. Вокруг все цветы. Ромашка белая с золотым сердечком, медовая кашка, алая, лиловатая, желтенькая. Дикие колокольчики – воздушные, тихие, только не звенят. Тмин душистый, пряный, хмелевой словно, горделиво тянется к высям. Не дотянешься! Куда тебе, смирись... Зеленая лебедушка, травушка-муравушка, коврик пушистый матери-земли. Сарафан изумрудный черноземной кормилицы пестрит весь, залитый солнцем. Серебряные змейки, лучи золотые, сказка алмазная далеких миров, все сливается, все сплетается, все дробится и горит, и горит, и горит.

Море солнца и море зелени... Море гомона полевого, птичьих писков, птичьих криков и пения, пения. Поют пташки, поют стрекозы, легкокрылые духи земных полей. Мышка-норышка выбежала полевая, бархатная шубенка на ней серая, сама точно боярыня. Все заманчиво, всюду жизнь...

Кони, вот они, кони!.. Не ушли далеко. Путаются перед опушкой рощицы в длинных поводах.

– Ах, вы этакие, постойте!

В три прыжка настиг их Варфушка. Подхватил длинный повод, закрутил к березке тоненькой, гибкой, белоствольной. Привязал.

– Не уйдете теперь, голубчики, попаситесь в тени! А уж

приду перед заходом солнышка, уведу домой, – и гнedenького Живчика, и вороного Воронца, и белого, как одуванчик, Лебедушку, – всех уведу, а пока паситесь со Христом на свежей муравушке, я же поваляюсь вот тут.

И, как подкошенный стебелек, склонился Варфушка на земной мягкий ковер трав и былинок.

Упал на землю... Смотрит восторженно, любит с синими озерами небес наверху, изумрудным морем трав вокруг него.

Букашки ползают, милые малые букашки. Кузнечик зеленый трещит, славный зеленый кузнечик. Червячок ползет, гусеничка. Всех их понимает мыслями и сердцем ребенок. Может рассказать про их жизнь, про бытие их несложное, а грамоту не может постичь. Ох, уж эта грамота! Пошто наказуешь, Господи?

Яркая радость мгновенно омрачается. Горячо любит природу Варфоломей, любит уйти, зарыться в высокие травы, дышать ароматом цветов, восторгаться всем тем, что создано руками Великого. А вспомнил про грамоту, про дьяка Назария, про хлесткую лозу-указку, про жгучий стыд и... исчезла радость, омрачена душа.

Пошто, Господи? Он ли, Варфоломей, не старается, не усердствует, он ли не бьется над книжной премудростью? Ах, тоска, тоска!

Словно потемнело небо, осипли голоса птиц, потускнели крылья кузнечиков, не пронизываемые больше лучами солнца. Ах, Господи!

Гнет, не детский, печальный, повис над золотой кудрявой головкой. Поднялся Варфоломей тяжело, точно старик.

Встал. Идет за жеребятами, чтобы увести их домой, в усадьбу. Не любо и самому больше в поле. Обида и горечь охватили его, как урок нонешний ему вспомнился. Не любо и в поле больше желанненьком.

Вдруг... Кто это?

Остановился Варфушка, как вкопанный, даже ноги дрогнули. Легонько от неожиданности закружилась голова.

Кто это?

Дуб перед ним. Начало опушки крохотной рощицы. Зеленая мохнатая шапка ветвей, пронизанная лучами, вся кружевная будто, вся словно ликующая. У ствола дерева могучего стоит человек. Высокий седовласый старик странного вида. Светлое лицо под клобуком монашеским, мантия темная, взор, проникающий в душу. Дивные очи – кроткие и жуткие в одно и то же время, они подняты к небу. Уста блеклые, уста подвижника, постника. Они шепчут что-то. Видно молится. В небеса ушел взор.

Варфушка стоит, как вкопанный... Откуда взялся неведомый старец под дубом? Когда привязывал жеребят, его не было здесь. Полно, не сон ли это? Поднялась загорелая ручонка Варфушки, по лицу проводит, трогает себя за лоб мальчик... Не спит ли, не грезит ли, не уснул ли ненароком? Нет, не сон и не греза. Явь – это, и поле, и солнце, и светлый, дивный лицом, молящийся под дубом монах-пресвитер.

Кто он? Откуда? Не видал Варфушка такого священника ни в соседнем селе, ни в ростовских храмах, куда усердно ездили они всей семьей.

Кто же?

Старец молился, не видя приблизившегося к нему мальчика... Вдохновенно поднятый к небу взор сверкал слезами. Уста шептали. Худые, высохшие руки сжимались, переплетаясь тонкими пальцами. Струились по лицу слезы. Горячая, пламенная, точно не здешняя, была та молитва.

«О чем он? – опять толкнулась острая мысль в детскую головушку Варфушки, – о чем молится так? Чего просит?»

И вдруг что-то словно ударило по сердцу мальчика. Такая молитва не может не дойти до Господа. Такая молитва – свеча Божия, светильник, зажженный перед Его алтарем. « Попрошу незнакомого батюшку-пресвитера: пусть помолится за меня также пламенно, чтобы дал мне силы Господь постичь, понять грамоту, чтобы просветил мой мозг, умудрил мою мысль. Попрошу батюшку!»

Ждет Варфушка. Сейчас кончит молиться пресвитер. Тогда и подойдет к нему, попросить. Робко, как милости, попросит его пламенной молитвы за него, за неразумного, маленького Варфушку. Ждет, затаив дыхание. Теперь уже скоро, скоро...

– Аминь! – прошептали старческие бледные уста.

– Аминь! И «Аминь» еще раз.

Кончил дивный старик. Опустил глаза. Замер на минутку.

Потом вскинул их снова на мальчика.

– Что тебе, отрок, надобно? Говори, малый!

Ах, как чист и хрустелен звук голоса старого незнакомца!.. Лицо бледное, борода седая, а голос молодой, свежий. Ангельский голос. Не слыхал еще такого Варфушка на земле...

Затрепетал весь от самому непонятной какой-то радости. Заалелось румянцем детское лицо.

– Батюшка, батюшка! Добрый, ласковый! Помолись за меня, батюшка. Грамоту не пойму, псалтири не одолеть, и Четьи Миней тоже... Никакой премудрости вообще книжной... Обижен я памятью... Помоги мне, отче!

Взглянул пресвитер светло и ясно. Положил руку сухую, легкую, как воздух, на кудрявую головку ребенка; улыбнулся прекрасной, как весеннее небо, улыбкой.

– Помолимся вместе, отрок... Господь милостив к детям. На них Его благословение... Встань подле, преклони колени. Помолимся вместе...

Покорно опустился на колени Варфушка. Дивный старик – рядом.

Незнакомец зашептал молитву. Зашептал за ним и Варфушка. Варфушка совсем особенно молиться умеет. Для Варфушки молитва – радость, неземной восторг, порыв вдохновения. Всем своим существом уходит он в молитву. С детства раннего у него это, с тех пор, как помнит себя, на молитву становится, как бы словно на праздник идет. Бог для

Варфушки – Друг первый, невидимый Друг и Повелитель милостивый. Служить Ему всю жизнь, служить и трудиться. Для Него, ради Него трудиться, за всех людей, больше всех. Ведь Сын Его трудился, был плотником, стругал бревна с Иосифом, нареченным отцом, а он, Варфушка, разве он лучше Единого, чтобы не работать до пота лица. Трудиться за близких, за дальних, за весь мир – вот что грезилось с младенческих лет Варфушке. Трудиться, помогать на дому, по усадьбе старшим, отцу с матерью, челяди, как равный равному, холопу-наемнику, либо своему крепостному, – вот что освещало ясным светом сердце ребенка. Только один труд не давался: грамота, премудрость книжная. Вот и молится он теперь: «Помоги, Господи, одолеть ее! Великий Хозяин мира, взгляни, смилуйся над маленьким Твоим рабом!»

Так молится Варфушка, молится, как никогда. Горячо, страстно, весь – вдохновенный порыв, весь – горящее пламя перед Господом.

– Помоги, Всесильный! Помоги отроку... Ты любишь детей...

И старик молится. Оба слились в одном общем желании – и пресвитер, и ребенок.

– Аминь! – произнес незнакомец и повернул к мальчику лицо.

Странный свет разлился по лицу старца. Точно солнце осветило его преобразившиеся черты. Лучились глаза, лучился каждый изгиб сияющего лица.

– Кто он? – вихрем пронеслось снова в мыслях ребенка. – Почему такая радость во всем его существе?

Сухая, белая, как алебастр, рука священника спряталась на мгновение в широких складках ризы. Снова забелелась... Пальцы крепко сжимают крошечный ларчик. Открыта крышка... Взглянул Варфоломей: на дне ларчика махонький кусок просфоры.

Тонкие пальцы пресвитера бережно вынули кусочек, поднесли к губам ошеломленного от неожиданности мальчика, положили в рот...

Сказал: – «Возьми, съешь это, мальчик! Мала частица эта, но великую силу примешь с нею. В ней знамение Божие и благодать».

Что-то странное свершилось в тот же миг с мальчиком. Сладше меда показалась ему принятая от старца часть просфоры. Слезы загорались в синем взоре, губы прошептали и не губы точно, а кто-то иной, неведомый, вложил эти слова в уста Варфоломея:

– Не об этом ли сказано в псалмах: коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим и душа моя возлюби я зело.

Странно и остро взглянул незнакомец на мальчика, и жгучим пламенем прожег Варфушку этот взгляд. Испуганно поднялись глаза ребенка. Смел ли он применить слова священного псалма, псалма, которому выучила его, вместе с другими, ласковая матушка?

Но взор священника уже пылал лас-кой. Рука снова легла на кудрявую головку мальчика.

– Если веруешь, дитя, – сказал ему таинственный незна-комец, – еще больше узнаешь. Не грусти о грамоте. Знай, Господь Милосердный даст тебе книжное разумение более, чем всем товарищам твоим.

Благословил ребенка и замолк. Потом кивнул ему голо-вою, стал тихо отходить от дуба. И светлая радость вместе с дивным священником стала отходить от Варфушки. Потем-нела мысль, дрогнуло сердце. Страшно, больно, тяжело сде-лалось вдруг отпустить от себя чудного незнакомца. Удер-жать бы еще хоть немного, упротить повременить, хоть ма-лость времени...

Метнулся вперед Варфоломей, протянул руки, зашептал с мольбою:

– Останься, батюшка, останься малость! Зайди к нам. Осчастливь отца, матушку, родимых. Не побрезгуй на хле-бе-соли нашем, не откажи в усадьбу заглянуть. Всем нашим радость великую доставишь. Не лиши их своего благослове-ния.

Говорит, а сам дрожит, как в лихорадке. Синие глаза – мольба. Алые тонкие губки – просьба, горячая, чистая просьба.

– Зайди, зайди!

Кивнул головою старик.

– Ладно, будь по-твоему! Веди меня к дому, отрок.

Не помня себя от радости, бросился вперед Варфушка. Указывает дорогу.

– Сюда, сюда! По зеленому полю, по мягкой сочной траве!

Старик идет быстро, как молодой, едва касаясь земли ногами. Будто невидимые крылья несут его. И в сотый раз рождается упорная мысль в головке Варфоломея:

«Кто он? Кто он, этот странный, дикий старик?»

V

ПОЛДЕНЬ. Первый час в начале. Солнышко еще выше поднялось и палит жарче. В стольной гриднице, вокруг дубового стола собралась вся семья к полднику. Сам боярин Кирилл, боярыня-хозяйка, дети. За столом сидят и холопы. Так уже заведено. Именит, знатен Ростовский боярин, а челядь за одним столом с собою садит. «Все, говорит, перед Богом равны; нет у него, Милостивого, ни господ, ни рабов». Здесь сидят и странники – богомолы и богомолки. Таких много у Иванчиных в усадьбе. Гостят подолгу. Всем им готов здесь приют. И полдничают, и ужинают все вместе. Полдник скромный. Сегодня среда, постный день, и подано лишь варено да каша с имбирем, оладьи с медом, кисель и квасы. Вместо браги, олуя (род пива) да хмельных медов, всегда за боярским столом подается квас малиновый, пшеничный да имбирный. Прислуживает всем сама хозяйка. Потчует всех равно, без чина: холопа, так холопа, мужа, сына, не разбирая, всех за одно. Помогает боярыне Марии невысокая девочка по одиннадцатому году – сиротка Аннушка, с младенчества принятая в дом. Без рода она, без племени. Нашли в Ростове, принесли с улицы. Говорили люди ростовские, что ее отец замучен был татарами в орде, вместе со многими другими, а мать умерла с горя. Девочка – хорошенькая. Только грустная, томная, с карими печальными глазками. Коса

у нее длинная, по пояс. В косу алая лента вплетена. Летник простенький из камки голубой. Девичий венец на милой головке не горит камнями самоцветными, а скромно шелком расшит. Аннушка вся тоненькая, как былиночка, как птичка воздушная. Глядишь на нее и думаешь: вот сейчас улетит.

А рядом с шестилетним Петрушей другая девочка: годиков пять, а то и меньше на вид. Это Катя, дочь служилого боярина, тоже при Ростовском князе. Отец ее – богатый человек, вдовый. Некому воспитывать дома Катю. Отцу недосуг, на мамок и нянюшек положиться не охота. А бояр Иванчиных знает Катин родитель давно, и их доброту, добродетельную жизнь и милостивое, кроткое ко всем отношение. Вот и отпускает отец гостить Катюшу в усадьбу боярина Кирилла, под матерински заботливое крылышко боярыни Марии. Без страха отпускает. Всему хорошему и доброму обучится там девочка. К тому же давно сговорился отец Кати с боярином Кириллом. Давно у них такое дело улажено: маленький шестилетний Петруша с трехлетнего возраста сговорен с Катей. Когда подрастут – поженятся. Так часто велось на Руси. Детей просватывали уже с младенчества, а когда они подрастали, делались мужем и женой. Так и Петруша был издавна определен в мужья крошке Катеринушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.